

ОБЩЕСТВО «НИЖЕГОРОДСКИЙ КРАЕВЕД»

ЦЕНТР КРАЕВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИМОМИ ННГУ им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

НИЖЕГОРОДСКИЙ КРАЕВЕД

Сборник научных статей

В ы п у с к 6

Нижний Новгород
2021

УДК 908 (470, 341)
ББК 63.3 (2Рос – 4НН)
Н60

Редакционная коллегия
И.Г. Горностаева, С.М. Ледров,
Ф.А. Селезнев (составитель, научный редактор),
А.А. Сорокин (ответственный секретарь)

Рецензенты
О.Н. Сениюткина – д. и. н.,
профессор НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
А.А. Халин – д. и. н., профессор НИУ РАНХиГС

Нижегородский краевед: сборник научных статей.
Н60 Выпуск 6 / сост. и науч. ред. Ф.А. Селезнев. – Нижний Нов-
город: Центр краеведческих исследований ИМОМИ ННГУ
им. Н.И. Лобачевского, 2021. – 362 с.

ISBN 978-5-91326-670-5

В сборнике представлены статьи по истории и культуре Нижего-
родского края, а также публикации исторических документов. Основ-
ная часть материалов посвящена развитию Нижнего Новгорода, его
средневековым укреплениям, планировке и застройке.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей,
краеведов, экскурсоводов.

ISBN 978-5-91326-670-5

УДК 908 (470, 341)
ББК 63.3 (2Рос – 4НН)

- © Общество «Нижегородский краевед», 2021
- © Центр краеведческих исследований
ИМОМИ ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2021
- © Авторы статей, 2021

Служба А.Я. Садовского в Ветлужском уезде

В.В. Митрофанов

В начале самостоятельной службы А.Я. Садовский не задерживался подолгу на одном месте. Получив первый опыт профессиональной деятельности в глухом месте на станции Бурга Новгородской губернии, где служил около восьми месяцев в 1877 г., в ноябре он вернулся в Нижний Новгород и получил новое назначение на должность надзирателя в Ветлужский уезд. Здесь он пробыл немного дольше и покинул красивые места Поветлужья 1 октября 1879 г. в связи с назначением в Ардатов [1, с. 72–91].

В публикуемом фрагменте «Воспоминаний» А.Я. Садовский подробно повествует о с. Рождественском и известных землевладельцах. Много места занимает рассказ о повседневной жизни и занятиях здешних жителей. Население в основном занималось торговлей лесом и промыслом сопутствующих продуктов, прежде всего дегтя. Бедность почвы («плохой подзол») не способствовала земледелию. Капиталистические отношения в пореформенное время развивались быстрыми темпами, о чем свидетельствует активная торговля основным богатством региона. Достаточно подробно А.Я. Садовский останавливается на механизме лесозаготовок: покупка делянок, организация ватаг лесорубов, заключение договора на рубку и сплав леса, реализация. Спрос на лес был большим. Попробовать своего счастья могли как рискованные люди, так и люди, имеющие большие капиталы, даже предприимчивые дельцы, в том числе и из духовенства, скрывающие свои занятия от церковного начальства. При этом автор замечает, что в результате можно было либо обогатиться, либо разориться, указывая на конкретных людей, которых он знал лично.

Второе занятие – «лесование». Все тонкости этого промысла подмечены внимательным взглядом профессионала, как будто бы собиравшего материал для своих воспоминаний. Интересно описаны обряды над ружьями, разного рода народные приметы, дошедшие из глубины веков, особенности жизни в зимницах.

Объектом охоты были пушные животные: белка, куница разных мастей, горностаи, бурундуки. Скупщики приезжали из Сибириа, цены на лесные дары колебались. Сам заядлый охотник

с детства [2, с. 157–183], А.Я. Садовский знал и подмечал многие особенности данного промысла. Охота на медведя, описание которой сделано замечательно, продолжает рассказ об этом увлечении автора воспоминаний.

Борьба за выживание простого населения, его повседневность, однообразные занятия, замкнутый образ жизни, по наблюдениям А.Я. Садовского, приводили к определенному «одичанию». Этому способствовали и такие пороки, как пьянство, картежная игра, тяжелая и опасная работа.

Но даже такая трудная жизнь привлекала в эти места переселенцев, в основном из Вятской губернии. Пришельцы устраивались по-разному, были и примеры удачного ведения хозяйства.

Приехав с инспекционной проверкой уже через 15 лет, в середине 1890-х гг., А.Я. Садовскому бросились в глаза большие изменения в жизни населения. Об этом красноречиво свидетельствует пример с самоварами.

Основное место в данной части «Воспоминаний» занимает рассказ о Лугининых (известные в свое время богачи). Небезосновательно А.Я. Садовский сравнивает их с такими промышленниками как Демидовы, Походяшины, Баташевы. Достоверных сведений о их происхождении в рукописи не приводится, есть лишь ссылки на ходившие про них устные предания. Какое-то несчастье в семье привело к утрате части владений в Тульской губернии. Г.И. Любина называет причину: страшный порок русских дворян – «страсть к карточной игре» [3, с. 9].

Федор Николаевич Лугинин (1804–1884) – полковник Генерального штаба, крупный помещик Ветлужского уезда Костромской губернии. Его потомки, прославившие науку России, имеют интересную судьбу. В частности судьба его сына уже привлекала внимание исследователей [4], недавно вышла и капитальная монография [5]. В.П. Леднев коснулся истории уральских заводов Лугининых [6, с. 196–205].

А.Я. Садовского же следует считать первым, кто в подробностях, но только применительно для с. Рождественского, описал их хозяйство, назвал управляющих именем, людей образованных, известных в свое время народническими взглядами, как, впрочем, и Владимир – сын Ф.Н. Лугинина. Владимир Федорович Лугинин (1834–1911) – русский ученый-термохимик, про-

фессор по кафедре химии [7] и почетный член Московского университета, последний владелец усадьбы в Рождественском.

Известен его дар alma mater в 1897 г. – уникальной в своем роде библиотеки в 8 тысяч томов. В.П. Леднев указывает на факт дарения и относит его к 1903 г. Об уникальности этого человека, помимо меценатства, научных достижений свидетельствует дружба с Л.Н. Толстым, А.И. Герценом, И.С. Тургеневым, Н.Г. Чернышевским.

Немало было пожертвовано им средств на образование и медицину в Рождественском. В 1871 г. было построено новое здание для Рождественского народного училища, попечителем которого стал В.Ф. Лугинин. Старая школа, открытая еще отцом, в 1854 г. была закрыта. В 1875 г. В.Ф. Лугинин принял на себя звание попечителя женской школы с ежегодным взносом 200 руб. серебром, а в 1889 г. он был выбран почетным попечителем Костромской губернской гимназии и отказался от попечительства лишь в 1902 г. из-за невозможности посещать Кострому. Завершая свою деятельность в России, Лугинин в 1901 г. сделал щедрый дар Ветлужскому земству, по которому передал землю со зданием больницы и другими постройками, школу в с. Рождественском.

Постоянной заботой В.Ф. Лугинина была основанная отцом больница, для обеспечения которой он пожертвовал капитал в 283,5 тыс. руб. В нее принимались бесплатно больные всех сословий и вероисповедания, независимо от места жительства. Кроме того, поддерживал деньгами церковноприходские братства, создававшиеся в деревнях Ветлужского уезда, отводил землю для постройки храмов. В отдельных случаях его можно считать пионером (вместе с младшим братом Святославом), например, он стоял у истоков организации первого в России кооперативного товарищества [8, с. 72–73], просуществовавшего многие десятилетия [9; 10].

Ряд фактов благотворительности для Рождественского приведен А.Я. Садовским. Вероятно, об этом ему было известно из личных бесед с В.Ф. Лугининым, о доверительных отношениях между ними свидетельствует и совместная охота. После отъезда А.Я. Садовского из Рождественского новая встреча между ними произошла много лет спустя, о чем и узнаем из рукописи.

Лесные и земельные владения В.Ф. Лугинина занимали огромную площадь. По сведениям И.Н. Чиркина, в Повелужье «самым крупным было владение помещика В.Ф. Лугинина, составлявшее 245 810 га. Достоверно известно, что даже крупная французская

буржуазия скептически относилась к рассказам Лугинина, проживавшего большей частью в Париже, о размерах его Ветлужского владения, превышавшего по площади почти в 5 раз французский департамент Сены» [11, с. 8].

По сведениям Т.В. Войтюк, в 1858 г. «в селе Рождественском с деревнями числилось 1918 душ крепостных людей мужского пола, 23 человека дворовых, 469 дворов, 78 919, 21 десятина земли. В селе Никольском с деревнями значилось 1981 душа крепостных, 12 дворовых, 500 дворов. Это было огромное поместье почти в 300 тыс. десятин земли, в основном поросшей строевым лесом» [8, с. 15–16].

А.Я. Садовский приводит редкие и неизвестные сведения о хозяйстве В.Ф. Лугинина. Его вели управляющие – имена известные, имевшие за плечами курс Московского университета: Ф.Д. Нефедов (1838–1902) – российский революционер-народоволец, беллетрист и журналист, лично знавший С.Г. Нечаева [12, с. 261–264; 13;14], Н.П. Колопанов (1827–1894) – первый председатель земского собрания Ветлужского уезда; А.А. Сиверс (1835–1902) – управлявший Нижегородским и Киевским удельными округами [15, с. 42]. Примечательно, что все они оказались порядочными людьми и, не имея, по сути, над собой никакого контроля, не злоупотребляли финансовыми операциями, получая за работу достойное вознаграждение. А.Я. Садовским приведены интересные сведения о доходах имения, хотя и без указания источника. Вероятно, они основаны на устных рассказах.

Важны описания усадьбы, сада, оранжерей – все эти детали значимы для представления о бывшей достопримечательности с. Рождественского, от которой остался только парк.

Характер В.Ф. Лугинина проявлялся через его отношения со своими работниками, содержание пансионариев и другие благородные поступки. Немало им было вложено средств для развития культуры, медицины в имении, которое по праву можно назвать образцовым для своего времени.

Думается, что приведенные в рукописи А.Я. Садовского неизвестные сведения о В.Ф. Лугинине будут использованы при написании исследований о нем, тем более, что его воспоминания хранятся еще в архиве и ждут своего публикатора. Выявляется постепенно и его эпистолярный пласт [16].

Несомненный интерес представляет и рассказ о путешествии В.П. Соколова в Италию, и как после этого его капиталы серьезно уменьшились.

Много лет спустя, работая над рукописью, А.Я. Садовский высказывал сожаление о том, что в ту пору он не занимался археологией. Так как порой встречались интересные рукописи, находки, которые не вызывали в то время интереса.

Следовательно, публикуемый фрагмент логично продолжает предыдущий. Главное содержание его – служба А.Я. Садовского в Ветлужском уезде, о котором сохранились интересные сюжеты, отмеченные им в своих воспоминаниях.

Зачеркивания в тексте авторские (А.Я. Садовского), сокращения слов раскрыты в квадратных скобках. Текст публикуется по современным правилам правописания с сохранением стилистических особенностей источника.

А.Я. Садовский

Воспоминания

Дела в Рождественском ⁴⁸ приходилось иметь только с крестьянами. Все оброчные статьи, кроме мельницы Пищалихи, держали местные крестьяне и преимущественно общество крестьян, цены, за которые они арендовали земли, были дешевые, даже очень дешевые, подороже были луговые земли, встречавшие иногда торговую конкуренцию, но таковых было мало, так как и луга держали больше общества, а спорить с обществами единоличные крестьяне, даже и чужих селений, не осмеливались.

⁴⁸ 28 км южнее Шарьи расположено старинное русское село Рождественское. Свое название село получило по имени построенной здесь до 1616 г. церкви Рождества Христова. Сначала на месте села была деревня Дороватая, названная по имени близлежащего озера Дороватого. Название озера и деревни чисто местно-славянское и происходит от слова «дерть» (драть, выкорчевывать), то есть от места, частично расчищенного от леса под пашню (которое называлось «дорок»). Когда построили церковь, деревня стала называться Рождественским погостом, а затем вместе с окрестными деревнями – Ветлужской вотчиной (здесь и далее прим. В.В. Митрофанова).

Там доход с оброчных статей был ничтожный, или управляющие были добрые люди, но только никто из них не стремился к повышению доходов с оброчных статей. Я тоже не повышал аренды.

Лесосеки продавались с торгов небольшими делянками. Покупали тоже крестьяне и местные, и дальние. Торги на них проводились в с. Урень Варнавинского уезда за 90 верст от Рождественского, совместно с торгами Уренского и Топкинского удельных Округов. Предполагалось, что ~~э~~ такое подношение вызовет большую конкуренцию, но, кажется, это предположение было ошибочно.

В Ветлужском уезде лесная торговля употреблялась какой-то азартной игрой. Делянки строевого леса, особенно в Казне и у больших частных владельцев, а также и в Варнавинском уезде, покупались нарасхват. Помимо действительных лесопромышленников – крестьян, покупали все, у кого есть деньги. Мировые судьи, земские врачи, помещики, аптекари, почтмейстер, казначей и т. д. – все торговали лесом. Торговать лесом было не трудно. Подыскивалась артель лесных рабочих, артели там были известны и собственно почти все крестьяне были рубщики, возчики и сплавщики леса. У артелей денег не было. Они сами купить лесосеку или делянку не могли, но они разрабатывали купленные другими делянки и разрабатывали, т.е. рубили, возили и сплавляли, обычно из половины. По сплаве в Кузьмодемьянск и по продаже там плотов ~~продажную цену~~ полученную сумму делили пополам, половину лесопромышленнику, половину артели, иногда в зависимости от качества леса та или другая сторона получала немного более половины. Лесопромышленник во время зимней заготовки должен давать артелям деньги на покупку фуража, на провиант. Все эти выдачи удерживались из продажной суммы в пользу лесопромышленника и артелям иногда доставалось очень мало – они только что пережили зиму и прокормили себя и своих лошадей. Лесопромышленники из мужиков-кулаков денег артелям не выдавали, разве что задатки, а выдавали натурой, т.е. овсом, мукою, сброю и т.п., ставя все втридорога, у таких возчикам не только ~~в расчетах~~ в Кузьмодемьянске ничего не выдавалось, но возчики оставались в долгу у лесопромышленника и из этого долго не выходили, разве какой-нибудь особенно благоприятный год выручал. Лесопромышленники из чиновников и вообще интеллигентов редко занимались поставкой провианта и фуража, а больше выдавали деньгами, поэтому и возчики ~~ж~~ шли к ним охотнее. И вот если Вы хотите заняться лесною торговлею, Вы

подыскиваете артель, уславливаетесь с нею. Артель сама подыщет Вам делянки, сообразит и скажет, сколько можно за них дать и Вам остается только купить их на торгах. А затем Вы можете и не ездить в лес, артель все сделает как надо, ведь ее интересы сходятся с Вашими интересами, но, конечно, у всех более крупных покупателей имеются надежные приказчики, да без этого и нельзя, особенно на сплаве. Сплав – самое прихотливое дело, часто встречаются посадки на мель, аварии и другие случайности, за которые надо платить деньгами, а еще более надо уметь сделать все дешево, хорошо и дельный приказчик здесь значит многое. Цены на лес ежегодно колеблются и колеблются значительно, в зависимости от урожая в низовых поволжских губерниях, от постройки железных дорог и т. д. Нередко бывали колебания против прошлого года на 50 % и более % в ту или другую сторону; в зависимости от цен ~~в~~ Кузьмодемьянской ярмарки ⁴⁹ и цен лесосек на торгах. ~~И-ве~~ И, если Вам повезет удача, Вы купили дешево, сплав был удачен, цены на ярмарке высокие – Вы выручаете вдвое, втрое, вчетверо против затраченной суммы, а при неудаче, наоборот, Вы только что выручите свою затрату, а нередко получите убыток. Особенно велики колебания при сплаве белян – можно или обогатиться в одну навигацию, или прогореть.

В мое время в Ветлуге был счастливый лесопромышленник. Служил он земским врачом и был прекрасный врач, но соблазнился легкою наживою и стал лесопромышленником. Везде ему была удача, ее считали в сотню тысяч, практику он бросил, купил имение, был председателем Съезда Мировых Судей, все время дела его шли прекрасно. Но как во всякой азартной игре пошла полоса несчастья, и в несколько лет он разорился окончательно, наделал долгов и, в конце концов, уехал из Ветлуги и поступил опять в земские врачи где-то в Саратовской губернии. Говорили, что у него был слишком широкий размах, много захватывал и многим рисковал. И, наверное, так, потому что большинству лесная торговля давала только барыш.

У меня не было таких промышленников, мои делянки были мелкие по площади, дешевые по оценке, словом, были крестьянские делянки. Покупал как-то почтмейстер, но выручился плохо и дру-

⁴⁹ Ярмарка была названа в честь Кузьмы и Демьяна – ремесленников.

гие за ним не пошли. Покупал еще Рождественский священник на имя жены, и у него дела пошли хорошо, но лесопромышленники-кулаки, видя в нем серьезного конкурента, донесли Архиерею ⁵⁰ о его занятиях и Архиерей запретил их.

Лесопромышленники наживали еще и от торговли лесом. Ярмарочные цены всегда колебались: одна цена в начале ярмарки, одна в середине и одна в конце. Приплывают плоты, купцы дают цену, лесопромышленник надеется получить больше и продать, не согласен, артель же согласна продать, ей надобно поскорее домой на полевые работы и даром проживаться в Кузьмодемьянске не рука, может быть цена еще и упадет. Происходит соглашение, лесопромышленник оставляет плоты за собою по предложенной цене, рассчитывается с рабочими и продает плоты потом дороже.

Как выгодна лесная торговля, показывают проценты на занятые на нее деньги. Случается, лесопромышленнику надо денег и дешевле 20 % за 3–4 месяца никто не даст, и эти проценты платят, только бы дали.

Кстати, уже и о крестьянах. Крестьяне Спириной волости жили бедно, земля – плохой подзол, обработка примитивная, лугов мало; поневоле приходилось всю зиму проводить в лесу, иные выезжали из леса только на несколько дней на Рождество и на Масленицу. Образования никакого, некогда его иметь, грубость нравов поразительная, какое-то одичание и никакого просвета на улучшение, разве случайность подвернется получить деньги и тогда станет кулаком-лесопромышленником, еще более горшим, чем другие кулаки. Правда, это нельзя отнести ко всем имениям и ко всем крестьянам. Где земли много и она хорошая, а народ лучше и богаче и дикости такой нет, встречалось это изредка в Спириной волости, но более в других казенных и помещичьих волостях. Спириная волость была каким-то скверным ⁵¹ исключением.

Кроме зимней работы в лесах, народ всю осень занимался «лесованьем». В начале сентября, как станет холоднее, мужчины уходят в леса на охоту и живут в лесах до поздней осени, изредка выходя домой с настрелянной дичью, да иногда и не домой, а в те селенья, в которых живут скупщики дичи. Сборы на лесованье об-

⁵⁰ Игнатий (Рождественский) (1827–1883) – епископ Костромской и Галичский в 1878–1883 гг.

⁵¹ Слово вписано сверху строки.

ставляются разными обрядностями. Ружья окуриваются какой-то травой, заговариваются, последнюю ночь охотник спит в особом месте и, если случайно баба через него перешагнет и его заденет, то охотник откладывает свой уход еще на сутки и т.п. Подробности я уже забыл. ~~Убит~~ Живут в лесах в зимницах, убитую дичь ~~ежю~~ вешают в какой-нибудь одной зимнице, причем зимницу эту никогда не запирают и воровства в них не бывает; если же кому чужому ⁵² надобно взять рябчика или тетерева, то берет и вместо него кладет монету. К этому времени приезжают скупщики более из г. Семенова Нижегородской губ[ернии], открывают где-нибудь штаб-квартиру и объявляют цену: 20–30 к[оп.] пара рябчиков, тетеревов, глухарей, 8–10 к[оп.] беличьей шкурка и т. д., позднее к осени цены повышаются, так как дичи становится меньше, и она бывает тяжелее. Главный предмет охоты – рябчик и белка. На рябчика охотятся с пищиком. Охотник имеет особую дудочку и в лесу, там, где предлагает рябчиков, пищит в нее голосом матери, созывающей выводок. Рябчики откликаются, стоит ~~нетихоньку~~ подождать, они подлетают близко к охотнику и тот их убивает. На белку охотятся с собаками. Обыкновенная остроухая русская собака с крючковатым хвостом, к сожалению, вымирающая и в средних губерниях даже вымершая, отыскивает белку и, напавши на след, лает. Охотник идет на лай и находит белку где-нибудь на дереве и убивает. В хороший год эта охота очень прибыльна, я сам однажды в Карцевской даче убил в несколько часов десяток белок. Убивши белку, охотник со всех ног бросается к ней наперебой со своею собакой, если собака прибежит раньше, она ее непременно схватит и начнет мять, охотник бежит и кричит на собаку. Получивши белку, охотник тут же топором отрубает лапки и чулком снимает шкурку, а туловище отдает собаке, которая ждет этой подачи с нетерпением, шкурка затыкается за пояс. Собаки необыкновенно жадны и ненасытны, я не видал ни одной, которая отказалась бы от белки, хотя жрала их уже много.

Белку приходится стрелять на дереве, сидящую недалеко. Немудрено, что горячие охотники в торопливости, не прицелясь как следует, делают промахи, иногда по одной белке сделают 5–6 выстрелов. И со мною это бывало. Мужики ~~называют~~ говорят «обзарились» и считают, что ружье кто-то испортил, проделывают с ним какие-то манипуляции и «обзар» проходит. Конечно, от того, что

⁵² Слово вписано сверху строки.

они успокаиваются и охотничья горячка проходит. Кроме белки с хорошей собакой приходится стрелять куницу, это самый ценный зверь из малых зверей, в мое время хорошая куница – «козак» стоила не дешевле 6 рублей, рублей 7 и даже 8, беловатая куница – «осиновка» стоила 3–4 руб. Были охотники, убивавшие по 10 куниц в зиму, но таких, конечно, мало, так как не все собаки умеют хорошо сыскать куницу, да и не все охотники ее найдут. Били еще горностаев и бурундуков, но мало, жалели на них зарядов, их трудно убивать сидячими.

Забыл сказать, что при стрельбе белок нередко белка, умирая, зацеплялась за веточку и оставалась на дереве, чтобы достать ее, надо лезть на дерево. Для такого случая у охотника за поясом топор, дерево это он срубает и получает белку. И сколько беличьих деревьев валялось и гнило в Карцевской даче ~~никто их ни за какие деньги и де~~ и как мне хотелось искоренить этот обычай, но, увы, наверное, и теперь там такие же беличьи деревья, только разве их поменьше.

И вот, несмотря на такие, казалось бы, приличные заработки, народ, т.е. большинство Спириной волости, жило плохо. Земля ли тут виновата или связанное со сплавом пьянство, картежная игра и другие художества. Бог знает, не берусь судить, но только я знал переселенцев из Вятской губернии, приписавшихся к удельным починкам, те леса не сплавливали, жили земледелием и жили хорошо.

А как плохо жили, доказывает хотя бы такой ~~случай~~ факт. Среди Нейской дачи было расположено четыре починка: Волитковка, Малиновка, Бебнево и еще какой-то, не помню. Починки были немаленькие и во всех этих починках был всего-навсего один самовар, и то жестяной, у какого-то переселенца Вятича. И, бывало, сторож спрашивает: Ваше благородие, будете пить чай, если будете, надобно сбегать в Малиновку за самоваром. Какое лучшее доказательство бедноте русского крестьянина! Должен, однако, и оговориться. Народ и в ~~конце~~ половине ⁵³ 1890 годов жил, ~~то~~ по видимому, теми же ресурсами, пожалуй, и меньшими, но когда я приехал в эти починки в качестве помощника Управляющего Округом для ревизии Рождественского имения, примерно в 1894–1895 гг., вспомнив об этом⁵⁴ одном самоваре, спросил Смотрителя, а до-

⁵³ Слово вписано сверху строки.

⁵⁴ Слово вписано сверху строки.

станет ли самовар, тот ответил, что Вы, В. В.⁵⁵, да здесь в каждом доме самовары. А прошло каких-нибудь 15 лет.

Самое Рождественское было собственно погостом, обыкновенным погостом северных губерний. Была церковь, даже две, были дома попов, дьяконов, причетников: два попа, дьякон, два или три дьячка. Впоследствии помещик Лугинин, которому принадлежали крестьяне Рождественской волости, устроил ~~эде~~ тут свою усадьбу. Выстроен был хороший барский дом, загорожено прекрасным каменным забором десятин 15 лесного оврага, разбит парк, устроен пруд, построены дома для служащих Лугинина, устроена им же больница, училище. Рождественское разрослось, но кроме барских домов и поповских никаких других жителей не было.

Самое важное лицо в Рождественском был, конечно, Лугинин. Лугинину в крепостное время принадлежали две теперешние волости – Шангская⁵⁶ и Рождественская. Сколько у него было душ, я не знаю, но за наделом крестьян в его распоряжении осталось 220000 десятин. Ни у одного Ветлужского помещика не было столько десятин. Вся ~~эта~~ огромная площадь была преимущественно, и не только преимущественно, а почти исключительно, под лесами и под лесами вековыми, нетронутыми, его леса были расположены в районах Ветлуги и в районах Унжи и на обеих реках, при продаже на Кузьмодемьянской и на Макарьевской ярмарках считались лучшими, даже лучше казенных.

В старину Лугинины были еще богаче, им принадлежали какие-то железные заводы на Урале. Судя по рассказам жителей, Лугинины были родом из Тулы и восприяли свое богатство также как восприяли его Демидовы, Походяшины, Баташевы. Какие-то несчастно сложившиеся обстоятельства оставили Лугининых при одном Ветлужском поместье ~~было еще поместье в Тульской губернии, но они его утратили при Александре I-м.~~ Принадлежало оно древнему старику и большому чудаку Федору (Николаевичу?) Лугинину, отставному, чуть ли не полковнику, коновожатому. Старик, по-видимому, выживал из ума, у него была какая-то болезненная скарденность, доходившая до смешного, нечто роднившее его с Плюшкиным. Но на самом деле он не был Плюшкиным, он завел в имении на свой счет больницу, устраивал и расходовался на училище, давал пенсии

⁵⁵ Ваше Высокоблагородие.

⁵⁶ Шангско-Городщенская с центром в д. Кривячка.

своим служащим, рассказывали и такой факт: у него был винокуренный завод, ~~иногда вообще винокуренные заводы~~ доказывая вред винокурения и т. п., то в одно прекрасное утро старик объявил сыну, что он делает ему подарок – уничтожает свой завод, а ведь это стоило не один десяток тысяч и совершенно не похоже на Плюшкинство.

В Рождественском ходило множество анекдотов про скупость Федора Николаевича, обыкновенно очень смешные, выставляя его со смешной стороны.

Всем этим обширным имением, равнявшимся какому-нибудь небольшому европейскому государству, управлял бывший Лугининский крепостной Павел Дороватовский. Большая умница и, как говорили, охулки на руку не клал. Получал он от Лугинина жалованья 15 рублей в месяц, да в свои причуды Ф[едор] Н[иколаевич] привозил ему подарочки, напр[имер], болотныесапоги.

– «Ты, Павел, много ходишь по лесу, вот и привез тебе сапоги» и т. п. Дороватовский вел все лесное хозяйство, ибо оно одно и было в имении, вел его так, как вели везде, т.е. сдавал вырубку леса из половины. Отдать ему справедливость: он не прижимал, не эксплуатировал мужиков, наоборот; при этом⁵⁷ сдавал выработку бывшим своим крестьянам, и потому отношения крестьян к Лугинину были хорошие. Также и выработка леса была при нем умеренная, дачи не расстраивались. Конечно, Дороватовский и себя не забывал, да и как не забыть при таком огромном деле, получая 15 руб. в месяц. В мое время старик уже не заведовал имением, может быть даже умер и всем распоряжался сын его Владимир Федорович. Владимир Федорович некогда служил в гвардии, попал в какую-то политическую историю и эмигрировал за границу. Долгое время жил он в Париже, там женился на бедной⁵⁸ француженке⁵⁹, от которой имел двух дочерей⁶⁰. В Париже В. Ф. занимался химией, у него была устроена

⁵⁷ Два слова вписаны сверху строки.

⁵⁸ Слово вписано сверху строки.

⁵⁹ В сентябре 1868 г. В.Ф. Лугинин получил разрешение отправиться на остров Мадейра для лечения и во время этой поездки женился во Франции на Марте (Мария Петровна) (1847–?).

⁶⁰ Волконская Мария Владимировна (1875–1960). Вышла замуж в 1897 г. за светлейшего князя Александра Петровича Волконского, внука известного декабриста С.Г. Волконского. 9 ноября 1917 г. крестья-

прекрасная лаборатория ⁶¹, стоившая, как говорили, тысяч 40 и в химии он составил себе имя. Впоследствии Московский университет признал его доктором химии *honoriscausa* ⁶² и В.Ф. читал в нем лекции в качестве профессора ~~химии~~ этой науки.

Старику стоило огромных денег выхлопотать прощение Вл. Фчу, будто бы он рассказывал, что Володя ему столько стоит, что можно бы слить такого золотого. Передавали также и то, что история, в которой был замешан В. Ф., не стоила выеденного яйца и что, если бы он не эмигрировал, а остался в России, все бы кончилось для него пустяками.

В. Ф. ~~относился к людям~~ был человек 1860-х годов. Он был народником. Устраивал и жертвовал большие суммы на больницу,

яне-бедняки Рождественской волости, возглавляемые матросом-большевиком М. Вершининым, явились в усадьбу княгини Волконской, опечатали господский дом, контору, взяли на учет все имущество и землю, отстранили управляющего именем. М.В. Волконская со своей семьей уехала в Москву. Известно, что она принимала участие в подготовке к изданию некоторых ученых трудов отца. Художественное образование получила в МУЖВиЗ, затем училась в Академии Гранд Шомьер в Париже. В 1910-х гг. принимала участие в Весенних выставках в залах ИАХ в Петербурге. Экспонировала свои работы в салонах Тюильри и Национального общества изящных искусств в Париже. После Октябрьской революции постоянно жила во Франции. Вместе с сыном, художником П. Г. Волконским, провела выставки в галереях «Бернхейм» в Париже (1921 г.), «Джевис Арт» в Лондоне (1923 г.), Сен-Клу (1923 г.). В 1939 г. прошла персональная выставка Волконской-Лугининой в парижской галерее «Аллар». Работала преимущественно как пейзажист, писала виды Испании, Италии, Крыма, Кавказа, Одессы, сельские пейзажи Франции. Вторая дочь Надежда (1881–1930), в замужестве баронесса Мейендорф.

⁶¹ В.Ф. Лугинин в 1882 г. снова уехал в Париж, где проводил исследования в собственной лаборатории до 1888 г.

⁶² По ходатайству известных русских ученых А. Столетова, А. Тимирязева, К. Тимирязева, А. Соколова, Н. Жуковского, В. Вернадского, И. Сеченова, Н. Зелинского и других он был удостоен звания почетного доктора химии, а 30 апреля 1899 г. утвержден в звании профессора по кафедре химии. Почетный доктор (лат. *honoriscausa* – «ради почета», сокращенно *h.c.*) – степень доктора наук или доктора философии. Это произошло в 1890 г.

училища, устроил в Рождественском первое в России кооперативное товарищество, которое недавно отпраздновало 50-летие своего существования. К крестьянам относился очень благожелательно и делал им разные льготы. Рождественское очень любил и заводил в нем, т. е. в своей усадьбе, разные новшества. У него, напр[имер], была прекрасная метеорологическая станция, которою заведовал один из его служащих Флеров. Был он близок с другими народниками, напр[имер], Филиппом Диомидовичем Нефедовым ⁶³, который даже несколько лет по зимам жил в барском доме Рождественского на полном иждивении Лугинина. При мне В.Ф. только один раз приезжал в Рождественское, пробыл всего несколько недель, один, без семьи. Я с ним познакомился, ездил с ним и его рыбаками на рыбную ловлю. Тогда он ~~был~~ выглядел ⁶⁴ довольно красивым брюнетом лет под 40, очень интересным. Вступив в управление имением, В. Ф. пригласил к себе Главным Управляющим Ветлужского Предводителя Дворянства Нила Петровича Коллюпанова ⁶⁵. Прикосновенный к литературе по экономическим вопросам, всесторонне образованный, очень умный, но большой циник, Нил Петрович был распорядителем хозяйства и продавал леса на лесных ярмарках, хозяином же по имению, т.е. приводившим в исполнение все предначертания Коллюпанова, остался Дороватовский. Коллюпанов был уже старик и едва ли хорошо понимал лесное хозяйство. Получал он от Лугинина много, т. е. много по-тогдашнему – тысяч 6 или 5. Как Предводитель, т. е. первое лицо в уезде, председатель всевозможных присутствий, имевший весьма большое значение и влияние в уезде, он был очень полезен Лугинину при разных столк-

⁶³ Нефедов Филипп Диомидович (1848–1902) – беллетрист-народник и этнограф. Образование получил в Московском университете по юридическому факультету.

⁶⁴ Вероятно, описка, правильно – выглядел.

⁶⁵ Коллюпанов Нил Петрович (1827–1894) – писатель. Окончил курс в Московском университете. Публицистическую деятельность начал в «Санкт-Петербургских Ведомостях» редакции В.Ф. Корша. В 1866–1868 гг. был деятельным сотрудником «Вестника Европы», где разрабатывал вопросы земского и городского самоуправления. Знаток крестьянского дела и крестьянской жизни, он работал и по начальному народному образованию; был видным деятелем в земстве Костромской губернии, где долго состоял предводителем дворянства Ветлужского уезда, председателем земского собрания в 1864–1891 гг.

новениях большого помещика с уездными властями и в земстве, достаточно сказать, что при оценке Лугининских лесов была пропущена сплавная река Шанга ⁶⁶, протекавшая по огромной Шангской даче, а так как в Ветлуге в то время оценка лесов для земского обложения производилась на основании близости лесов к сплавным рекам, то это одно давало большое сбережение денег в платеже земских повинностей. Колюпанов мне рассказывал, что, когда он принял имение, оно давало Лугинину только 12 тысяч, он же довел доходы до 20 тысяч и очень этим гордился. Как он довел этот доход, увеличились ли рубки или другими путями, я не знаю, по некоторым же данным думается, что именно увеличением рубки, и тогда заслуга его небольшая. На самом деле дохода от такого имения в 20 тысяч (вероятно чистых) не велика, не велика по сравнению с моими истощенными дачами. В своей жизни мне пришлось еще раз встретиться с В.Ф. Лугининым в первой половине 1890-х годов на Костромском Губернском Земском собрании, он выглядел тогда очень пожилым стариком, более похожим на иностранца, чем на русского. Мы с ним возобновили наше знакомство, в то время В. Ф. очень интересовался ~~добы~~ ~~делом~~ добыванием продуктов сухой перегонки дерева, хотел этим, с одной стороны, утилизировать свои не приносящие дохода лиственные и вообще удаленные от реки леса, а с другой, дать заработок местному населению. К сожалению, прекрасное по замыслу дело провалилось и дало убытки, завод и прочее пришлось прикрыть и, кажется, потому что ~~все~~ дело попало в руки непрактичных кабинетных людей.

Около этого времени В. Ф. пережил увлечение второй молодости. Где-то за границу он сошелся с какою-то баронессою Корде и просадил на нее огромнейшие деньги, довольно сказать, что Рождественские леса пришлось заложить Дворянскому банку за два миллиона. Начались после этого плохие времена. К счастью его, он напал на честного дельного Управляющего. Наш Управляющий

⁶⁶ Большая Шанга – рекав Костромской области России, левый приток Ветлуги. Длина реки составляет 87 км. Исток расположен в лесах в 27 км к северу от Поназырево. Река течет на запад, крупнейшие притоки – Ветлиха, Ночная (правые); Малый Паозер, Большой Паозер, Вязовка (левые). Малая Шанга – рекав России, протекает в Шарьинском районе Костромской области. Устье реки находится в 527 км по левому берегу р. Ветлуги.

удельною Конторою А.А. Сиверс, переведенный из Нижнего в Киев и не поладивший с Начальником Департамента кн. Вяземским, вышел в отставку и взял в свое управление Лугининские имения. Сиверс жил в Москве, приезжал в Рождественское по зимам на несколько недель для ревизий дел и на Кузьмодемьянскую ярмарку весной, тоже на несколько недель для продажи леса. Получал он за это 6000 в год. Взявшись за дело, Сиверс поставил непременным условием, чтобы Лугинин не спрашивал с него для себя более 50000 руб. в год. И что же, через немного лет после управления Сиверса я встретился с ним в Рождественском, куда приезжал на ревизию, (было это, вероятно, в конце 1890-х годов) и Сиверс за это время успел накопить Лугинину несколько сот тысяч капитала, которым он хотел обеспечить благотворительные заведения Лугинина, и выдал несколько сот тысяч по случаю выхода замуж дочерей Лугинина. Лугинин, будучи крайне доволен Управлением Сиверса, просил его получать по 12 000 в год, но Сиверс отказался, хотя в деньгах он всегда нуждался. Зато, когда Сиверс умер в начале 1900 годов, Лугинин благоугодно предложил его вдове ~~жаловать~~ несколько десятков тысяч, рассчитавши все время управления Сиверса по 12 т. в год.

Когда Лугинин приезжал в Рождественское, его осаждали всевозможные просители и по доброте его редко встречали отказ в помощи. Довольно большой дом в усадьбе всегда содержали в исправности, отапливали, при нем была определенная прислуга, в саду и в цветнике все было в порядке. Сад был сдан садовнику Евлампию Елисеичу Шаурову, из Лугининских же крестьян, учившемуся за счет Лугинина в какой-то земледельческой школе. В мое время Евл[ампий] Ел[исеич] имел от Лугинина квартиру с отоплением и несколько десятин чудного огорода, оранжерею и грунтовой сарай. Он обязан был содержать в исправности цветники и снабжать фруктами Лугинина, когда тот приезжал в имение (кажется ~~это бы~~ за особую плату). В огороде он работал на Лугининских лошадях и имел удобрение из барских конюшен. Евл[ампий] Ел[исеич] жил огородом, получая кроме того небольшое жалование от ссудосберегательной кассы, о которой я писал раньше и в которой он был ~~директором~~ председателем правления. У него было несколько десятин капустника, капуста распродавалась нарасхват и довольно дорого, также и другие овощи, ~~есть~~ в оранжерее зрели чудесные персики, прекрасные сливы, в грунтовом сарае вишни и че-

решни, в огороде выводил вкусные дыни и другие овощи. От продажи всего этого Евл[ампий] Ел[исеич] имел порядочный доход и жил безбедно, с некоторым комфортом. Он был очень интересный собеседник, человек безупречной честности, что доказывается его бессменным председательством в кооперативе в течение целых 50 лет. Был он охотник и несколько раз я охотился с ним за зайцами с гончими, сколько провел веселых часов! Он также не был чужд (общей) ветлужской страсти: покупал ежегодно одну-две делянки леса, но не рисковал, а бил наверняка, зато и получал барыша меньше других промышленников. В усадьбе жили еще пансионеры – лакей старика Лугинина, древний старик, забыл как его звали, имел квартиру и рублей 10 в месяц пенсии, потом еще какой-то пансионер, впоследствии присоединился сюда и мой Сидор. Сидор после меня перешел к Лугинину, был у него поваром много лет, но за пьянство был отставлен с пенсией и квартирой в Рождественском. Я встретил раз Сидора в Рождественском, пить он бросил и жил хорошо, даже имел небольшие денежки, которые давал займы лесопромышленникам за большие проценты.

Управляющий Дороватовский жил в другом имении, в с. Шанге. Здесь же была контора, управляющим его был какой-то Никаноров из крещеных жидов и два конторщика. За исключением хромого Флерова, заведывающего метеорологической станцией, я их знал только шапочно.

Жила еще вдова Лугининского землемера Красногорова, у которой я столовался на первое время. Она тоже получала пенсию, и все ее дочери обучались за счет Лугинина, кто учительницей, кто акушеркой.

Больницей заведовал фельдшер Родион Анисимович Иванчов, тоже из Лугининских крестьян, изредка наезжал и доктор из Ветлуги. Фельдшер был совершенно не образованный, не знал даже устройства человеческого тела, но, как лекарь, пользовался отличной репутацией среди крестьян, больница и амбулатория были переполнены, правда это была единственная больница на район в несколько десятков верст ~~если не сотен~~. У Иванчова была огромная семья, которой он дал образование, дети вышли докторами, инженерами и т. п. Я его почти не знал.

На выезде из Рождественского стояло двухэтажное здание Лугининского училища. Училище было громадное и учеников было много. Учительницами или, как здесь называли, наставницами бы-

ли две девушки – Наталья Философовна и Вера Лукинична. Первая разыгрывала из себя передовую образованную женщину, любила говорить о высоких материях и т. п., словом была скучной. Вторая была веселая, простая и мировую скорбью не задавалась. Первая, несмотря на свои высокие задачи, не прочь была пофлиртовать, особенно если предмет флирта мог быть выгодным мужем. Вначале заводила она свой флирт и со мною, но потерпела неудачу. ~~Но вообще это все таки.~~ Первый год моей жизни она была одна, а потом уже к осени 1878 года появилась другая. В училище все-таки интересно было бывать – там говорили не об одной серенькой будничной жизни, можно было достать книг, узнать городские или губернские новости и т. п.

Кончили обе наставницы очень печально. В 1879 году в один июльский день зашли они к нам звать купаться мою жену⁶⁷. Жена отказалась, и они пошли одни и более не возвращались, только на берегу Ветлуги найдено было их платье. Они купались на месте, которое прежде было мелким, но в этом году тут образовался отчего-то яр – глубокая яма. Попали в эту яму и из нее не выбрались. Целый день и другой день искали их доморощенные водолазы и не нашли. Стали уже разноситься невероятные вещи: они не утонули, а симулировали, на самом деле они убежали, будучи замешанными в политическом деле, кто-то даже видел их живыми и чуть ли не говорил. Слухи нелепее один другого чередовались целую неделю. Через неделю трупы всплыли в нескольких верстах от места купанья, и сплетники были пристыжены.

В Рождественском жили два попа, дьякон и два или три дьячка. Приход был чрезвычайно богатый, в нем было несколько десятков деревень, бывших Лугинина, следовательно, более состоятельных, некоторые деревни отстояли на 30 и на 35 верст от церкви. Население было православное, поборы с него и деньгами, и хлебом были

⁶⁷ Садовская (Голова) Анастасия Ивановна (1858–1941; брак 20 августа 1878 г., с. Вознесенское Варнавинского уезда Костромской губернии) – дочь отставного подпоручика Ивана Ивановича Голова (1796–1869). В 1870 г. поступила и в 1876 г. окончила Павловский институт в С.-Петербурге. При выпуске получила от императора Александра II его портрет. Отец А.Я. Садовского – Я.А. Садовский – благословил этот брак только в конце 1879 г. (он был против брака из-за близкого родства с Головыми).

огромные. Достаточно сказать, что мой хозяин, дьячок Алексей Федорович, имел два дома, в одном жил я, штук 15 рогатого скота, две лошади, имел работников ⁶⁸ и засеивал много земли, так как у причта кроме церковной была еще ~~много земли писцовой~~ писцовая земля⁶⁹. Алексей Федорович выписывал журнал, дома угощал шоколадом, коньяком, винами. Старший священник, отец Алексей Соколов имел прекрасный выезд – тройку вятков ⁷⁰, экипажи, не отказывал себе ни в чем, из Нижегородской ярмарки привозил ящиками виноградное вино и т.д. Я не знаю, сколько они брали за исполнение треб ⁷¹, наверное, немало, но знаю, что постоянно ездили за сборами хлеба по деревням, давно и праздник прошел, а они все ездят, ведь не шутка объездить чуть не 40 деревень. Судя по Нижегородскому, тут было очень много каких-то особенных хлебных сборов, хлеба набиралось много. Говорили про отца Соколова, что если ему даяние покажется малым, то он ногою опрокидывал лукошко с хлебом и ругался, прихожанин должен был исправить свою ошибку. Я не знаю, сколько они получали на деньги и никогда об этом не спрашивал, но судя потому, как жил мой хозяин дьячок, как жил настоятель до меня и что последний получал несколько тысяч в год. А рядом в 15 верстах в удельной Карцевской даче стоял Карцевский погост – церковь, дом священника, дом помощника и дом сторожа, приход был из трех деревнишек и попу доставалось не больше 120 руб. в год, а псаломщик и сторож добывали хлеба главным образом лесными работами.

Настоятель о. Алексей жил с женою матушкою Ольгою, ~~не от-казывал себе ни в чем~~. Они были уже старые, видимо у них были деньги, если они в мое время не торговали лесом, но подозреваю,

⁶⁸ Два слова вписаны сверху строки.

⁶⁹ Два слова вписаны сверху строки.

⁷⁰ Вятская порода лошадей (Vyatka, Viatka, Вятка) относится к одной из старейших российских пород: она появилась еще в XVII–XVIII вв. Название породы происходит от места ее зарождения – Вятской губы. С самого своего появления эта порода северного лесного типа была знаменита своей резвостью и выносливостью. Сегодня эта порода распространена больше всего в Кировской области и в Удмуртии. Наибольшее распространение порода получила в XIX в., когда ее начали использовать в упряжных ямских тройках.

⁷¹ Основные виды треб – молитвы о живых, об усопших, освящение предметов и пищи, жилищ.

что давали деньги лесопромышленникам за хорошие проценты, а может быть были с кем-нибудь в деле. Были они очень гостеприимны и любили поиграть в карты. Играли в преферанс, ералаш и стучолку по маленькой ~~проигрывали и выигрывали~~ и я зимою частенько с ними играл, делать зимою было нечего, а время убивать нужно, в результате от этой игры никто не проигрывал и не выигрывал. Летом приезжал к о. Алексею сын, учитель какой-то дальней гимназии с семейством. Он был ~~он был~~ ~~учитель~~ интересный собеседник и с ним было приятно провести время, неприятно было только то, что он был под башком ⁷² своей взбалмошной глупой жены, это виделось на каждом шагу и, конечно, портило настроение. Женился молодой Соколов будучи студентом на дочери богатого ⁷³ Ветлужского купца В.Н. Соловьева, увез ее потихоньку против воли родителей, которые потом смилостивились и простили молодых. ~~Мои встречи с ними были уже после нескольких лет того как с них.~~ Когда я с ними встретился, они были женаты несколько лет я только удивлялся, что он мог найти в своей жене, чтобы на ней жениться; впрочем, сколько я не встречал студенческих браков, 90 % процентов ⁷⁴ их всегда такова, а может быть и 99 %, лично я не видал таких, которым мог бы завидовать. Отец Соколова В.П. Соколов был лесопромышленником и, кроме того, еще чем-то торговал. У него были хорошие деньги, и ожидалось приличное наследство, но старик обманул ожидания. Что-то такое на него нашло или может быть пришло время раскаяния в своих поступках, но он задумал отправиться на поклонение к мощам Николая Чудотворца. И вот в мае месяце в ветхом пальто и резиновых калошах, не зная никакого языка, кроме русского, поехал в Италию. Он рассказывал, что везде в вагонах узнавали, что он русский, и находились люди, говорившие с ним по-русски, больше поляки, которые помогали ему в пути своими указаниями. Благополучно добрался он до Бари⁷⁵ и там попал в лапы католических монахов, обработали его как липку. Значительную часть своего капитала, по-видимому, он оставил там ~~после смерти обманул ожидания наследников~~ и наследникам доста-

⁷² Описка, правильно – башмаком.

⁷³ Слово вписано сверху строки.

⁷⁴ Так в рукописи.

⁷⁵ Бари – город-порт в Италии, столица региона Апулия. Покровителем города считается Николай Чудотворец.

лось немного. В том же ватном пальто и резиновых калошах он благополучно вернулся в Ветлугу в середине лета.

Второй священник отец Иван был еще молодой, как и его жена. Оба они любили выпивать и впоследствии о. Иван, потерявши жену, как говорили ⁷⁶, окончательно спился. Когда приходилось бывать у отца Ивана в званые вечера вместе с прочим рождественским обществом, выставлялась перед ужином закуска и водка. Мужчины выпивали, а дамы только закусывали и, несмотря на это, с каждым новым закусыванием делались веселее и разбитнее. Там было не принято, чтобы дамы пили при мужчинах, они для этого уходили в другую комнату и там напивались чуть ли не чашками, а к нам приходили только закусывать. Все это отлично знали, мужчины даже над ними за то подсмеивались, но обычай держался твердо, ему не изменяли.

Дьячком был молодой красивый ⁷⁷ человек из архиерейских певчих. Он любил петь, пить и имел красивую дьяконицу. Больше про него сказать нечего.

Все жили животною жизнью, своими мелкими интересами, еще мой хозяин и о. Алексей почитывали газеты и журналы и любили поговорить о политике.

В Рождественском две церкви: одна каменная двухэтажная⁷⁸, видная издалека, довольно красивая, другая старинная, маленькая, каменная. К сожалению, я тогда не занимался археологией и не интересовался церковными древностями, так что не знаю, было ли там в них что-либо старое, выдающееся. Знаю только, что в церкви была большая писаная полууставом книга, которую Алексей Федорович называл летописью и приносил ко мне. Рукопись, насколько помнится, начала XVIII века, исторической части в ней мало, а более какие-то, как мне тогда казалось, рассуждения на темы священного писания. Помню только, что в ней было сказано, что весь Ветлужский уезд в старину принадлежал князю Репнину ⁷⁹. Интересно

⁷⁶ Два слова вписаны сверху строки.

⁷⁷ Слово вписано сверху строки.

⁷⁸ Церковь Рождества Богородицы.

⁷⁹ Ветлужской вотчиной более 150 лет владели Репнины. Среди них был и И.Б. Репнин (начальник Сибирского приказа), его сын Никита Иванович – известный фельдмаршал и президент Военной коллегии при Петре I и последний князь Н.В. Репнин – знаменитый дипломат и

бы теперь взглянуть на эту книгу, наверное, в ней много интересного, тогда мною пропущенного. У каменной церкви, на воле, стояли вынесенные из церкви разные изображения святых, кажется апостолов и Михаила Архангела, последний был когда-то раскрашен яркими красками. Все это гнило подоткрытым небом и едва ли сохранилось, также на старой церкви был древний крест с полумесяцем и железными витиеватыми украшениями.

Церковь оживлялась только по воскресеньям и большим праздникам, когда приезжали в нее деревенские прихожане. По воскресеньям было здесь подобие базара небольшого базара и потому прихожане, помимо удовлетворения религиозных потребностей, производили тут же и куплю-продажу. По праздникам, особенно в Пасху, большой колокол ~~непрестанно~~ непрерывно звонил, я жил напротив церкви, саженях в 15 от нее и звон в первое время страшно беспокоил, а потом привык и даже не замечал.

полководец, дед декабриста С.Г. Волконского. Ветлужскую вотчину Репнины считали своей родовой, наследственной и старались ее сохранить. Но пошатнувшиеся финансовые дела заставили продать земли. Их выкупил Лугинин Федор Николаевич. Свое имение он передал понаследству своему сыну Лугинину Владимиру Федоровичу. Самой большой достопримечательностью с. Рождественского, после церкви, был Белый дом. Название «белого» он получил в народе едва ли не раньше, чем резиденция американского президента. Это был главный дом в имении помещика Лугинина, а затем князя Волконского – мужа старшей дочери Марии. Белый дом с прилегающими строениями сгорел утром с Троицы на Духов день в тридцать втором году. Подгулявший конюх, завалившийся спать на сеновал с горячей трубкой, был причиной этой беды. В 1830 г. в с. Рождественском Ф.Н. Лугинин основал больницу на 25 мест, в которой принимались бесплатно больные «всех вероисповеданий и сословий» независимо от местожительства, но предпочтение отдавалось жителям Рождественской волости. Впоследствии больница, да и школа, построенная отцом, все содержалось на средства Владимира Федоровича Лугинина. Все делалось «с чувством, с толком, с расстановкой». Больница отапливалась печами из коридора, но в каждой палате был камин. Летний корпус – на высоких столбах для проветривания и со стеклянной крышей, которую в жару можно было открыть. Летом действовали детский приют и ясли. Сегодня в Рождественском сохранился парк – бывшая усадьба Лугининых – расположенный в юго-западной части села.

Недавно слышал, что с большой церковью случилась катастрофа. У нее провалился пол в верхнем этаже.

К счастью Хорошо, что ⁸⁰ несчастье случилось не во время службы, и никто не пострадал. Мой Алексей Федорович, теперь уже дьякон, почему-то в это время был в церкви и только что зачем вошел ⁸¹ в алтарь ~~как пол и случился~~ как пол в церкви с грохотом провалился и вся церковь наполнилась пылью от штукатурки и земли.

Весною Кильпривел ко мне молодого человека лет 35, немца, Константина Александровича Киль, отрекомендовав его как вновь принятого на лугининскую службу лесничего. Я обрадовался новому знакомству и очень скоро сошелся с ним на короткую ногу. Так как Килью трудно было иметь свой стол, то я предложил ему свой, и он у меня обедал, пил чай и ужинал, а расходы на закуску съестных припасов мы делили пополам и из экономии Сидора стол обходился нам в пустяк, стыдно сказать по 7 или 8–9 рублей в месяц на обоих, да и на Сидора тоже, положим много убивали дичи, на второе и третье всегда было покупное.

Я до сих пор не знаю, зачем был приглашен Киль, кажется, не знали этого и Колюпанов с Лугининым, как не знал и сам Киль. С Килем был заключен контракт на три года, с платою жалованья по 3000 руб., но продержали его года полтора и отпустили с миром, заплативши за все три года. Киль уроженец Дифлиндекой Прибалтийского края, учился в тамошней гимназии и знал русский язык так, как мы русские гимназисты, знали французский или немецкий, т. е. вовсе не знал, только кое-что мерекал ⁸², как говорят крестьяне. По окончании гимназии он поступил в Дерптский университет, пробыл там несколько и довольно много лет, а потом перекочевал в Торонтскую лесную ⁸³ академию. В Торонтской академии он пробыл тоже несколько лет и тоже не кончил курс. Это был типичный немецкий бурш ⁸⁴ и в Университете, и в Академии он

⁸⁰ Два слова вписаны сверху строки.

⁸¹ Слово вписано сверху строки.

⁸² Мерекать (прост.) – думать, соображать, разбираться в чем-либо.

⁸³ Слово вписано сверху строки.

⁸⁴ Бурш (нем. Bursch) – студент немецкого университета, принятый в корпорацию.

~~только нянствовал~~ ничем не занимался, разве что ⁸⁵ дрался на дуэлях и истреблял невероятное количество пива, да пел хором немецкие студенческие песни. Видно последнее время ему приходилось плохо, совсем прожился, так как у него не было даже теплой одежды, да и вообще мало одежды. Домашняя самодельная «работы маменьки» куртка была его всегдашним костюмом. Лесной науки он вовсе не знал, как будто бы и не учился ей, не знал и съемки. За всем тем это был отличный товарищ, прямой, честный человек, на слово которого можно положиться, и я его очень любил. Ему отвели две или три комнаты в Лугининском доме, в одной комнате он развесил свои студенческие реликвии: шапочку, ленты, трубку, фотографии товарищей буршей в корпоративных костюмах и в простых, но все с бутылками или стаканами в руках, или около бочонка с пивом, нередко с собаками таксами, и фотографии этих собак. Книг у него не было никаких. Было у него ружье системы Лефоше⁸⁶ и прекраснейший белый с полевыми пятнами сеттер Поличка. Был он Киль замечательный охотник, знал все повадки дичи, умел ее находить и умел поднимать тетеревов, рябчиков, зайцев, словом, был настоящий охотник. Как теперь его вижу: высокий, плечистый, с помятым жизнью лицом, большими усами и добродушными голубыми глазами. Он сперва очень добросовестно исполнял свои обязанности: по целым неделям пропадал в Лугининских лесах, знакомился с ними, но действительного дела не делал никакого. Конечно, ему трудно и даже невозможно было сразу ориентироваться и предложить что-нибудь свое или даже улучшить существующее, так как он ~~только~~ был совершенно не знаком с условиями тамошнего лесного хозяйства, да и не только тамошнего, но и вообще лесного хозяйства: от Торонтской академии ничего не осталось, а предварительно он ни на какой лесной службе не был. Ему еще нужно было учиться лесному хозяйству. И если бы ему дали возможность это сделать, то, может быть, он был бы хорошим дельным управляющим, куда, по-видимому, его готовил Коллюпанов. Притом Дороватовский и вся администрация были против немца. И на первой же предпринятой им, по-моему, разумной мере, продажи маленьких присельных лесных участков крестьянам ближних дере-

⁸⁵ Пять слов вписаны сверху строки.

⁸⁶ Французское охотничье ружье системы Лефоше. Общая длина – 1160 мм, длина ствола – 760 мм, калибр – 17,8 мм.

вень, он ~~ееея~~ провалился. Доказали, что этого не надо было делать, что оценка участков слишком мала и т. д. и Килю пришлось оставить место.

Интересны были его рассказы о жизни в Торонтской академии. Жизнь студентов напоминает жизнь Дерптских студентов, описанную Боборыкиным в романе «Путь-дорога». Те же попойки, песни, драки, дуэли, также любимое развлечение ~~но-ночам~~ ходить по ночам снимать вывески и перевертывать их – колбаснику повесить вывеску булочника, а булочнику колбасника, нанимать мальчишек и заставлять их бегать вперегонки в завязанных мешках и ~~рядится~~ откалывать в маскарадах разные неприятные форсы и неприлично ~~рядом~~ маскироваться и т. п. Поражало меня еще отношение профессоров к титулованным студентам, которые были, так сказать, особой породой, им все сходило и они всегда кончали курс. Титулованные студенты делали визиты профессорам и профессора эти визиты отдавали и считали за честь быть знакомыми. Помню его рассказы про какого-то русского светлейшего князя Ливена ⁸⁷. Ливен сделал визит профессору и, не заставши его дома, подал карточку с одной фамилией, без титула. Профессор ~~видиме~~ долго не отдавал ~~и как-то~~ визита, потом другой студент, гуляя вместе с Ливеном, встретил профессора, представил ему Ливена, сказал, что Ливен был у него и сказал, что Ливен светлейший князь. Профессор ~~не~~ На профессора это сообщение страшно подействовало: он стал извиняться и сейчас же, чуть не в этот день, отдал визит. То же был какой-то русский студент, сын Тайного Советника, которому не везло на экзаменах, товарищи научили его заказать карточки с надписью «сын Тайного Советника» и сделать визиты. Тот послушался и отношения сразу изменились. Много было у Киля подобных рассказов, но я их перезабыл, эти два почему-то остались в памяти.

Все наше свободное время проводили вместе. Летом ежедневно ходили на охоту или ловить рыбу, или кататься на лодках по Ветлуге и т. п. ~~зимом он тоже часто навещ.~~ Отношения ~~не прерывались и~~

⁸⁷ Ливен (Lieven) – род остзейского дворянства, якобы происходящий от жившего в XII в. ливского вождя Каупо (Каупе, Куббе). В 1826 г. графиня Шарлотта Ливен как воспитательница дочерей императора Павла I была возведена в княжеское достоинство; ее потомки носили титул светлейших князей.

помню такой. Мы все таки стали реже видятся, чем в холостое время. Чудесные были охоты около Рождественского, главным образом за тетеревиными выводками. Это была наша любимая охота. Поличка находила выводки, мы стреляли, если удавалось, выводок, конечно, разбивался, тогда мы садились где-нибудь под деревом и Киль начинал подманывать голосом молодого, матка отзывалась и шла к нам, а ей отзывались разлетевшиеся молодые и шли к ней. Иногда матка подходила к нам на несколько шагов, вся на виду, бедная Поличка, видя ее, дрожала как в лихорадке. Когда, по нашим соображениям, выводок более или менее собирался, мы вставали и пускали Поличку на поиск и, если выводок большой, повторяли приманку. Маток мы никогда не били. Обыкновенно убивали столько, сколько надо на день-два и только, если предполагалось послать в подарок кому-то из Рождественских обывателей, убивали больше. Утиные охоты были роскошные, особенно верстах в десяти ~~около Ну~~ около д. Пустошки. Помню одну охоту. Я и Киль шли по берегам озера, Поличка выгоняла уток на озеро, мы стреляли, за нами шли лесники с большими ⁸⁸ кузовами за плечами и мы набили полные кузова.

Зато там вовсе не было красной дичи. Еще изредка и притом в лесу, в болотах встречались единично бекасы, дупелей же никогда нигде не видели. К осени и осенью охота за зайцами. Был у Лугинина английский выжлиц ⁸⁹ Крылан, прекрасная паратая гончая, и у садовника Евлантия Елисеевича простая русская лайка Нигра, хорошо и настойчиво гонявшая зайцев. С этими двумя собаками мы и часто хозяин Нигры Евл[антий] Елис[еевич] отправлялись в окрестности Рождественского. Зайцев там много не было, но по одному – по два убивали всегда. Когда приходилось бывать в лесах, конечно, и я, и Киль стреляли рябчиков и белок. Рыбу ловили удочками, острогами, глушили осенью по льду, но, надо сказать, почти всегда неудачно.

В это время я стрелял из шомпольного английского ружья и завидовал Килью, стрелявшему из ружья Лефоше. Киль уговорил меня заказать себе такое ружье в той Дрезденской мастерской, из которой вышло и его ружье. Списались и заказали мне ружье за 80 руб.,

⁸⁸ Слово вписано сверху строки.

⁸⁹ Выжлец, выжлик (выжлок) – муж., выжлица, выжловка – жен., ищейная, гончая собака.

1000, если не более гильз 16 калибра и шомпольное ружье рублей в 15 для одного охотника-крестьянина. Через некоторое время получаю извещение от трактирной конторы Гергарта и Гоя уплатить 75 руб. за доставку. Уплатили, оказалось только шомпольное ружье и гильзы, мое же ружье будет выслано после, еще не изготовлено. Таким образом, пришлось иметь патроны без ружья и по той же цене, по которой можно бы купить и в России и шомпольное ружье, ценою не в 15, а по расценке в 25 руб., от которого крестьянин отказался, как от слишком дорогого. В это же время случился чей-то выстрел в Александра II-го и, как у нас всегда бывает, первым делом запретили выписку и покупку оружия. Мое ружье ~~в это время~~ попало как раз в это время и мне сообщили, что оно не может быть выдано без удостоверения Губернатора. Начинаю хлопотать, пишу прошение Костромскому Губернатору⁹⁰ с двумя марками о выдаче разрешения на ~~покуп~~ высылку ружья. И что же, Губернатор иронически ответил, что он не может исполнить моей просьбы, так как к обязанностям Губернатора «перевозка орудий (sic)» не относится. Правда, Кострома всегда славилась тем, что в ней были губернаторы - дураки, но этот дурак, не помню его фамилии, дурашнее всех. Плюнул и бросил, и потерял несколько десятков рублей.

Осенью, когда я уже был женат, мы ездили на медвежью охоту. В Лугининском лесу за нашу удельную дачею охотник Кузьма Платонов, отыскивая куницу, напал на медвежью берлогу, сообщил нам, и мы собрались. Поехали я, Киль, Евлам[пий] Елис[еевич] и моя жена, последняя, конечно, без ружья. Поехали вечером в д. Семениху, ч[то]б[ы] на рассвете отправиться к берлоге. Остановились у удельного сторожа Чикалева в избе. Было это 14 или 21 ноября в престольный праздник этой деревни. Утром, еще темно, оставив жену в избе, мы вчетвером отправились. Был мокрый снег, к сапогам пристывало и идти было трудно. Шли долго, верст 12, если не больше, по скверной дороге. Около 12 или 1 ч[ас.] пополудни пришли в участок соснового лучининского леса. Много я видел на своем веку хороших лесов, но такого не видал и никогда не увижу, да и есть ли теперь таковые! Вековой сосновый бор, каждое дерево больше чем в обхват, высокие стройные сосны только шумели вершинами. Пройдя немного, Кузьма Платонов указал на берлогу и,

⁹⁰ Догобужинов Владимир Ипполитович – костромской губернатор в 1866–1878 гг.

опять так много я видал медвежьих берлог и бивал медведей, но такой никогда потом не встречал. В лесу на чистом месте возвышалась гряда мха. Кузьма Платонов, первый раз бывший на медвежьей охоте, как и мы все, указал на нее. Подошли сажень на 10, остановились, все мы слушались Килья, как наиболее опытного, почему он остановился так далеко от берлоги, не знаю. Наши собаки, штуки четыре, бросились на берлогу и стали зубами и ногами растаскивать мох, неистово лая. Медведь зашевелился, но не выходил. Было как-то томительно. Киль говорит, надо его выжить, Кузьма Платонов – стреляй в берлогу. Я взглянул на Кузьму, он был бледен как полотно, дрожал и буквально зубы не попадали на зубы, а стучали друг об друга. Но послушался, дрожащими руками навел ружье и выстрелил в берлогу. Послышался рев, гряда мха всколыхнулась и оттуда показалась медвежья голова, огромная. Грешный человек, мне очень хотелось убить медведя, ~~но~~ поэтому из боязни, ч[то]б[ы] кто другой не убил прежде, я, лишь только ~~прин~~ показала голова, приложился и выстрелил разрядом из обоих стволов и не попал, а только ~~ка~~ потом оказалось задел шерсть, контузил. Медведь вылезает дальше, Киль приложился и убил на повал, а потом стал выговаривать мне, зачем я поспешно стрелял из обоих стволов, приходилось молчать, сам вижу, что поступил глупо. Сейчас же перезарядили ружья, подошли к медведю и вытащили его из берлоги, был огромный черный медведь с белым горлом.

На радостях отошли к дереву, ~~и~~ вытащили фляжку и поздравили друг друга с успешной охотой. Начали говорить, передавать свои впечатления и доканчивать флягу. Садовник заинтересовался устройством берлоги и, оставив ружье около нас, пошел к берлоге. Только что он наклонился, ч[то]б[ы] рассмотреть ее внутренность, как моментально отскочил и прибежал к нам с криком – там еще один. После Киль образно называл, что садовник прибег к нам ~~как~~ ~~нуж~~ с такою быстротой, как пуля из ружья. Взяли ружья, подошли, и что же, в берлоге оказалось еще два лончака ⁹¹. Убитый оказался медведицею и его мартовский помет – два медвежонок – лежали в этой же берлоге. Хотя эти медвежата были величиною с собаку и не были страшны человеку, но головы у них велики, не пропорционально роста, и их головы легко принять за взрослого медведя, особенно же тогда, когда у страха велики глаза. Много мы смеялись

⁹¹ Лончак – медвежонок.

потом над садовником, «выскочившим как пуля». Медвежат, конечно, пристрелили, но на одного выпустили собак, и этот медвежонок не дался четырем собакам, он отбивался от них лапами, так как челюсть его была раздроблена пулею, пришлось его подстрелить. Уже стемнело, когда мы вернулись и обрадовали жену, которая не знала, что о нас подумать и воображала разные страхи. На другой день надобно было искать людей, ч[то]б[ы] притащить медведя в Семениху. Думали отправить 4-х человек, но вечером же явилось двое и заявили, что они вдвоем его дотащат, дайте им то, что у Вас назначено за доставку. Это были какие-то допотопные люди Костромских лесов, невысокого роста, бородатые в ширину чуть не больше, чем в вышину, они вдвоем на толстой жерди принесли на другой день ~~этого~~ ~~уб~~ медведя в Семениху. Пока мы ходили за медведем, жена оставалась в избе, был, как я сказал, престольный праздник и к Чикалеву поминутно являлись гости, которых угощали пивом и блинами, и жену угостили страшным угаром от стряпни праздничных блюд. Разговаривали с нею и о медвежьей охоте. Одна баба передала ей такой рассказ про своего отца и дядю. «Они нашли медведя и отправились за ним, вооружившись ружьями и топорами. Подошли, выстрелили, медведь бросился на одного и подмял под себя, другой брат выстрелил в медведя, но неудачно, медведь тогда оставил первого и бросился на второго, в это время первый оправляется и с топором бросился на подмогу, угощая медведя обухом топора по голове, медведь опять бросился на него, но второй проделывает тоже, что делал первый. И так они довольно долго бились с медведем и, в конце концов, добились его, но сами вышли сильно помятыми. Жена моя спрашивает: – Но почему же они били медведя обухом, а не лезвием топора, ведь тогда они его сразу бы убили. Баба наивно отвечает: – А боялись шкуру испортить, за испорченную то шкуринку дешевле дают». Выслушав эту историю, я подумал: да, действительно, если эти братья-охотники хоть немного похожи на тех лесовиков, которые вдвоем взялись тащить медведя, то они, пожалуй, и без топора бы справились с медведем.

Публ. по: РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 4. Д. 31. Л. 251–264.

Источники и литература

1. *Митрофанов В.В.* Ардатовское общество в «Воспоминаниях» А.Я. Садовского (вступ. ст. публик., коммент.) // Жизнь провинции: История и современность. Сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции с международным участием «Жизнь провинции: история и современность» 19–21 марта 2015 г. Нижний Новгород: Изд-во «Книги», 2015. С. 72–91.

2. *Митрофанов В.В.* А.Я. Садовский о своей жизни в селе Шёлокша Нижегородского уезда (вступ. ст. публик., коммент.) // Нижегородский краевед: сборник научных статей. Вып. 3 /сост. и науч. ред. Ф.А. Селезнев. Нижний Новгород: Центр краеведческих исследований ИМОИ ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2017. С. 157–183.

3. *Любина Г.И.* Географическое пространство в истории рода Лугининых: туляки, москвичи-ветлужане, парижане (XVIII–XX вв.)// «Генийместа»: выдающиеся деятели Тульского края – городу и миру: Сб. мат-в науч.-практ. конф. (Тула, 18 апреля 2014 г.). Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2014. С. 9–14.

4. *Соловьев Ю.И., Старосельский П.И.* Владимир Федорович Лугинин. 1834–1911. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 144 с.

5. *Любина Г.И.* Владимир Федорович Лугинин. 1934–1911. М.: Изд-во МГУ, 2012. 688 с.

6. Леднев В.П. Уральские заводчики Лугинины и их потомки// Урал: литературно-художественный и публицистический журнал. 2002. № 12. С. 196–205.

7. Труды Владимира Федоровича Лугинина, профессора Императорского Московского университета / под ред. А. И. Каблукова. Т. 1: Химия органическая, физическая и термохимия. М.: Изд. светл. кн. Марии Владимировны Волконской, 1917. 475 с.

8. *Баринштейн И.Э.* Лугинины: кредиты для крестьян // Губернский дом: историко-краеведческий и литературный журнал. 2013. № 2(91). С. 72–75.

9. Практическое руководство к учреждению сельских и ремесленных банков (по образцу немецких ссудных товариществ) / Сост. Н.П. Коллюпанов и В.Ф. Лугинин. М.: Типография А.Н. Мамонтова и К^о, 1869. 240 с.

10. *Лугинин В.Ф., Яковлев А.В.* Сельские судные товарищества (их устройство и назначение). СПб.: Тип. А. Котомина, 1870. 100 с.

11. *Чиркин И.Н.* Леса и лесное хозяйство Ветлужского уезда. Нижний Новгород, 1929. 104 с.

12. *Никольский Д.П.* Памяти Филиппа Диомидовича Нефедова // Живая старина. 1903. №№ 1–2. С. 261–264.

13. *Панфилов А.Ю.* Нефедов Филипп Диомидович // Русские писатели. 1800–1917: Биограф. словарь. М., 1999. Т. 4. С. 289–291.

14. *Толкунова В.Г.* Нефедов Филипп Диомидович // Владимирская энциклопедия: Биобиблиографический словарь. Владимир, 2002. С. 310–311.

15. *Аксакова (Сиверс) Т.А.* Семейная хроника. В 2-х кн. М.: Территория. 2005. Кн. 1. 493 с.

16. «Я живу здесь уединенно, работаю много»: письма В.Ф. Лугинина к Е. В. Салиас де Турнемир. 1863–1864 гг. / публ. подгот. А.А. Зайцева, Г.И. Любина // Исторический архив. 2007. № 6. С. 192–208.

Нижний Новгород начала XX века в воспоминаниях Н.Л. Краснокутского

Б.М. Горелик

В Нижнем Новгороде провел детство и юность правнучатый племянник Л.Н. Толстого Николай Львович Краснокутский (1896–1977). Он оставил воспоминания об этом городе и его выдающихся жителях начала XX в., с которыми познакомился благодаря отцу, нотариусу Окружного суда. Экземпляр рукописи сберегла журналист и общественный деятель В.Б. Белякова из Йоханнесбурга (ЮАР), где Краснокутский жил после Второй мировой войны. [Подробнее о ней: 1]. Если бы не эти 18 машинописных страниц, мемуары Краснокутского, вероятно, никогда не стали бы известны нижегородским краеведам.

Н.Л. Краснокутский был правнуком родной сестры Л.Н. Толстого, Марии Николаевны. Ее дочь Варвара Валериановна (1850–1921) состояла в браке с титулярным советником Н.М. Нагорновым, членом Московской городской управы и помещиком Черниговского уезда [2, с. 193; 3, с. 513–514; 4, р. 77]. Писатель называл В.В. Нагорнову своей «любимицей» [5, с. 286].